

КАМЕДИ КЛАСС!

Аркадий
Аверченко

Светлана
Волкова

Эдуард
Успенский

Вера
Гамаюн

Елена
Пальванова

Михаил
Зощенко

Юлия
Евграфова

Виктор
Драгунский

Анна
Зимова

Александр
Егоров

ЁЛКИ ЗЕЛЁНЫЕ!

Москва
Издательство АСТ
2022

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
Е46

Дизайн обложки *Юлии Межовой*

В оформлении обложки использованы рисунки
*Юлии Межовой, Анны Сладковой,
Светланы Соловьёвой*

Е46 Ёлки зелёные! Весёлые новогодние истории, рассказанные классными классиками и классными современниками: [сборник] / Аркадий Аверченко, Виктор Драгунский, Эдуард Успенский и др. — Москва: Издательство АСТ, 2022. — 256 с.: ил. (Комеди Класс!).

ISBN 978-5-17-151201-9

Как отметить новогодние праздники так, чтобы потом весь год вспоминать о них с улыбкой? В этой книге вы точно найдёте пару-тройку превосходных идей!

Например, как с помощью бутылки газировки победить в необычном состязании, или как сделать своими руками такой подарок маме, которому ужаснётся обрадуется вся семья, включая кота, или как занять первое место на конкурсе карнавальных костюмов.

Эти и другие весёлые новогодние истории рассказали классики и современники — писатели Аркадий Аверченко, Михаил Зощенко, Н. А. Тэффи, Виктор Драгунский, Эдуард Успенский, Анна Зимова, Юлия Евграфова, Александр Егоров, Светлана Волкова, Вера Гамаюн и Елена Пальванова.

Рекомендовано для чтения в любое время года, но особенно — в декабре и январе. :)

ISBN 978-5-17-151201-9

© Авторы, наследники, текст, ил., 2022
© ООО «Издательство АСТ», 2022

Классные классики

Аркадий Аверченко

Продувной мальчишка

Рождественский рассказ

В нижеследующем рассказе есть все элементы, из которых слагается обычный сентиментальный рождественский рассказ: есть маленький мальчик, есть его мама и есть елочка, но только рассказ-то получается совсем другого сорта... Сентиментальность в нем, как говорится, и не ночевала.

Это — рассказ серьезный, немного угрюмый и отчасти жестокий, как рождественский мороз на севере, как жестока сама жизнь.

* * *

Первый разговор о елке между Володькой и мамой возник дня за три до Рождества, и возник не преднамеренно, а, скорее, случайно, по дурацкому звуковому совпадению.

Намазывая за вечерним чаем кусок хлеба маслом, мама откусила кусочек и поморщилась.

— Масло-то, — проворчала она, — совсем ёлкое¹...

— А у меня елка будет? — осведомился Володька, с шумом схлебывая с ложки чай.

— Еще чего выдумал! Не будет у тебя елки. Не до жиру — быть бы живу. Сама без перчаток хожу.

— Ловко, — сказал Володька. — У других детей сколько угодно елков, а у меня, будто я и не человек.

— Попробуй сам устроить — тогда и увидишь.

— Ну и устрою. Большая важность. Еще почище твоей будет. Где мой картуз?

— Опять на улицу?! И что это за ребенок такой! Скоро совсем уличным мальчишкой сделаешься!.. Был бы жив отец, он бы тебе...

¹ Ёлкий — затхлый, прогорклый. — *Здесь и далее примеч. ред.*

Но так и не узнал Володька, что бы сделал с ним отец: мать еще только добиралась до второй половины фразы, а он уже гигантскими прыжками спускался по лестнице, меняя на некоторых поворотах способ передвижения: съезжая на перилах верхом.

На улице Володька сразу принял важный, серьезный вид, как и полагалось владельцу многотысячного сокровища.

Дело в том, что в кармане Володьки лежал огромный бриллиант, найденный им вчера на улице, — большой сверкающий камень, величиной с лесной орех.

На этот бриллиант Володька возлагал очень большие надежды: не только елка, а пожалуй, и мать можно обеспечить.

«Интересно бы знать, сколько в нем карат?» — думал Володька, солидно натянув огромный картуз на самый носишко и прошмыгивая между ногами прохожих.

Вообще, нужно сказать, голова Володьки — самый прихотливый склад обрывков разных сведений, знаний, наблюдений, фраз и изречений.

В некоторых отношениях он грязно невежествен: например, откуда-то подцепил сведение, что бриллианты взвешиваются на караты, и в то же время совершенно не

знает, какой губернии их город, сколько будет, если умножить 32 на 18, и почему от электрической лампочки нельзя закурить папироски.

Практически же его мудрость вся целиком заключалась в трех поговорках, вставляемых им всюду, сообразно обстоятельствам: «Бедному жениться — ночь коротка», «Была не была — повидаться надо» и «Не до жиру — быть бы живу».

Последняя поговорка была, конечно, заимствована у матери, а первые две — черт его знает у кого.

Войдя в ювелирный магазин, Володька засунул руку в карман и спросил:

— Бриллианты покупаете?

— Ну, и покупаем, а что?

— Свесьте-ка, сколько каратов в этой штучке?

— Да это простое стекло, — усмехнувшись, сказал ювелир.

— Все вы так говорите, — солидно возразил Володя.

— Ну вот, поразговаривай тут еще. Проваливай! — Многокаратный бриллиант весьма непочтительно полетел на пол.

— Эх, — кряхтя нагнулся Володя за развенчанным камнем. — Бедному жениться —

ночь коротка. Сволочи! Будто не могли потерять настоящий бриллиант. Хи! Ловко, нечего сказать... Ну что ж... Не до жиру — быть бы живу. Пойду, наймусь в театр.

Эта мысль, надо признаться, была уже давно лелеяна Володькой. Слыхивал он кое от кого, что иногда в театрах для игры требуются мальчишки, но как приняться за эту штуку — он совершенно не знал.

Однако не в характере Володьки было раздумывать: дойдя до театра, он одну секунду запнулся о порог, потом смело шагнул вперед и для собственного оживления и бодрости прошептал себе под нос: «Ну, была не была — повидаться надо».

Подошел к человеку, отрывавшему билеты, и, задрав голову, спросил деловито:

— Вам мальчишки тут нужны, чтоб играть?

— Пошел, пошел. Не болтайся тут.

Подождав, пока билетер отвернулся, Володька протиснулся между входящей публикой и сразу очутился перед заветной дверью, за которой гремела музыка.

— Ваш билет, молодой человек, — оставила его билетерша.

— Слушайте, — сказал Володька, — тут у вас в театре сидит один господин с черной бородой. У него дома случилось несча-

стве — жена умерла. Меня прислали за ним. Позовите-ка его!

— Ну, стану я там твою черную бороду искать — иди сам и ищи!

Володька, заложив руки в карманы, победоносно вступил в театр и сейчас же, высмотрев свободную ложу, уселся в ней, устремив на сцену свой критический взор.

Сзади кто-то похлопал по плечу.

Оглянулся Володька: офицер с дамой.

— Эта ложа занята, — холодно заметил Володька.

— Кем?

— Мною. Рази не видите?

Дама рассмеялась, офицер направился было к капельдинеру, но дама остановила его:

— Пусть посидит с нами, хорошо? Он такой маленький и такой важный. Хочешь с нами сидеть?

— Сидите уж, — разрешил Володька. — Это что у вас? Программка? А ну, дайте...

Так сидели трое до конца первой серии.

— Уже конец? — грустно удивился Володька, когда занавес опустился. — Бедному жениться — ночь коротка. Эта программка вам уже не нужна?

— Не нужна. Можешь взять ее на память о такой приятной встрече.

Володька деловито осведомился:

— Почему платили?

— Пять рублей.

«Продам на вторую серию», — подумал Володька и, подцепив по пути из соседней комнаты еще одну брошенную программку, бодро отправился с этим товаром к главному выходу.

Когда он вернулся домой, голодный, но довольный, у него в кармане вместо фальшивого бриллианта были две настоящие пятирублевки.

* * *

На другое утро Володька, зажав в кулак свой оборотный капитал, долго бродил по улицам, присматриваясь к деловой жизни города и прикидывая глазом — во что бы лучше вложить свои денежки.

А когда он стоял у огромного зеркального окна кафе, его осенило.

— Была не была — повидаться надо, — подстегнул он сам себя, нахально входя в кафе.

— Что тебе, мальчик? — спросила продавщица.

— Скажите, пожалуйста, тут не приходила дама с серым мехом и с золотой сумочкой?

— Нет, не было.

— Ага. Ну, значит, еще не пришла. Я подожду ее. — И уселся за столик.

«Главное, — подумал он, — втереться сюда. Попробуй-ка выгони потом: я такой рев подыму!..»

Он притаился в темном уголку и стал выжидать, шныряя черными глазенками во все стороны.

Через два столика от него старик дочитал газету, сложил ее и принялся за кофе.

— Господин, — шепнул Володька, подойдя к нему. — Сколько заплатили за газету?

— Пять рублей.

— Продайте за два. Все равно ведь прочитали.

— А зачем она тебе?

— Продам. Заработаю.

— О-о... Да ты, брат, деляга. Ну, на. Вот тебе трешница сдачи. Хочешь сдобного хлеба кусочек?

— Я не нищий, — с достоинством возразил Володька. — Только вот на елку зарабатываю — и шабаш. Не до жиру — быть бы живу.

Через полчаса у Володьки было пять газетных листов, немного измятых, но вполне приличных на вид.

Дама с серым мехом и с золотой сумочкой так и не пришла. Есть некоторые основания думать, что существовала она только в разгоряченном Володькином воображении.

Прочитав с превеликим трудом совершенно ему непонятный заголовок: «Новая позиция Ллойд Джорджа»¹, Володька, как безумный, помчался по улице, размахивая своими газетами и вопя во всю мочь:

— Интересные новости! Новая позиция Ллойд Джорджа — цена пять рублей. Новая позиция за пять рублей!!!

А перед обедом, после ряда газетных операций, его можно было видеть идущим с маленькой коробочкой конфет и сосредоточенным выражением лица, еле видимого из-под огромной фуражки.

На скамейке сидел праздный господин, лениво покуривая папиросу.

— Господин, — подошел к нему Володька. — Можно вас что-то спросить?..

— Спрашивай, отроче. Валяй!

¹ Ллойд Джордж — премьер-министр Англии с 1916 по 1922 год.

— Если полфунта конфет — 27 штук — стоят 55 рублей, так сколько стоит штука?

— Точно, брат, трудно сказать, но около двух рублей штука. А что?

— Значит, по пяти рублей выгодно про-
давать? Ловко! Может, купите?

— Я куплю пару, с тем чтобы ты сам их и съел.

— Нет, не надо, я не нищий. Я только торгую... Да купите! Может, знакомому маль-
чику отдадите.

— Эх-ма, уговорил! Ну, давай на керен-
ку¹, что ли...

Володькина мать пришла со своей бело-
швейной работы поздно вечером...

На столе, за которым, положив голову на руки, сладко спал Володька, стояла кро-
хотная елочка, украшенная парой яблок, од-
ной свечечкой и тремя-четырьмя картонажа-
ми², — и все это имело прежалкий вид.

У основания елки были разложены по-
дарки: чтобы не было сомнения, что кому

¹ *Керенка, керенки* — так в народе называли бумажные деньги, имевшие хождение в России с 1917 по 1919 год (по фамилии министра А. Ф. Керенского).

² *Картонаж* — картонная коробочка для конфет или других сладостей.

предназначено, около цветных карандашей была положена бумажка с корявой надписью:

— «Дли Валоди».

А около пары теплых перчаток другая бумажка с еще более корявым предназначением:

— «Дли мами»...

Крепко спал продувной мальчишка, и неизвестно где, в каких сферах витала его хитрая купеческая душонка...

